

Михаил Холин,
Владимир Писчиков

ДУХОВНОСТЬ КАК ФОРМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Проблема самоидентификации в качестве реальной' жизненной проблемы бытия индивида существует столько же, сколько существует человек как личность и индивидуальность. Поэтому

Криворізький державний педагогічний університет

вполне естественно, что как только европейская философия в своем стремлении постигнуть бытие обратилась к человеку, эта проблема вошла в круг ее важнейших и вечных проблем. Призывы Сократа к человеку познать себя, а к философии помочь ему в этом, нашел у философов разных эпох, различных направлений и школ живейший отклик. В украинской философии мысли сократовский призыв был воспринят и в полной мере реализован Г.Сковородой и оставил неизгладимый след в ее истории.

Начиная с Сократа и вплоть до середины XIX столетия, проблема самоидентификации личности понималась по преимуществу как проблема самопознания, что было обусловлено рядом обстоятельств. Первое из них – доминирование в понимании человека гносеологической методологемы вследствие чего многие, не укладывающиеся в ее рамки проблемы индивидуального бытия человека, оставались за пределами внимания философов. Причем – и это имеет принципиальное значение – в основе названного подхода лежала эпистема непосредственной данности прозрачности индивида для собственного восприятия. Отсюда и самопознание представало как проблема самосозерцания интроспекции тем самым переводилось в психологическую плоскость, становилось по преимуществу проблемой психологии.

В качестве другого из упомянутых выше обстоятельств выступают особенности бытия индивидов в условиях традиционных обществ (добуржуазных и раннебуржуазных). Речь идет о том, что социальные отношения в этих обществах еще не стали столь сложными и запутанными, не приобрели “вещного характера” (К.Маркс), как это произойдет позже, особенно в нашем столетии. Названные особенности общественных отношений делали их относительно “прозрачными” и не воздвигали столько объективных препятствий на пути самопознания индивида, как это характерно для современного общества.

Гегель был первым из философов, кто ясно осознал принципиальную ограниченность непосредственного постижения человека как самосозерцания, игнорируя многообразие его

отношений с реальностью: "Индивидуальность, - писал он, - есть то, что есть ее мир, как мир ей принадлежащий, она сама есть круг своего действия, в которой она проявилась как действительность" [2, 164]. Эта идея была развита и материалистически интерпретирована К.Марксом, а позже, в различных мировоззренческих и методологических вариациях она была ассимилирована многими выдающимися философами: В.Соловьевым, З.Фрейдом, М.Хайдеггером, Э.Фроммом, К.Юнгом, Г.Гадамером, Ю.Хабермасом и др. Такой подход с необходимостью приводит к разграничению понятий самопознания и самоидентификации.

Хотя самоидентификация предполагает самопознание, осуществляется через него, однако она не исчерпывается им. В процессе самоидентификации индивид ставит цель не только постичь себя, сформировать образ своего "я", но и проверить его на подлинность, адекватность своему действительному "я". Поэтому самоидентификация в отличие от самопознания имманентно содержит в себе момент критического отношения индивида не только к самому себе, но и к своей самооценке. Осуществляющий самоидентификацию индивид задается вопросом не только о том, каковы его жизненные ценности, цели и интересы, желания и вкусы, чувства и эмоции, но и о том, действительно ли они составляют его "я", а не навязаны ему извне в результате манипуляции им со стороны других.

Тем самым в качестве важнейших ориентиров и одновременно критериев для индивида в ходе самоидентификации является обнаружение им степени своей подлинности, самобытности (индивидуальности) и автономности. В этом смысле мы вполне согласны с Ю.Хабермасом, в том, "что моя идентичность" есть не что иное, как "моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа" [11, 40].

Из сказанного о сущности самоидентификации вытекает, что она не может разворачиваться исключительно в сфере субъективности индивида лишь как его интроспекция, саморефлексия, переживание. Поскольку индивид является

социальным, активно действующим существом, вступающим в многообразные контакты с миром, постольку его личность и в целом его "я" проявляются в этом взаимодействии. Этот процесс приобретает форму самореализации, самоутверждения индивида, в котором осуществляется его "я". Благодаря этому индивид получает возможность воспринимать, постигать содержание своей индивидуальности не только субъективно, но и через объективированные формы ее самовыражения: результаты своей деятельности, отношения с другими, поступки и т. п. Это дает ему возможность увидеть, открыть в себе нечто такое, что ускользает, является недоступным в процессе интроспекции, саморефлексии

Объективированные качества индивидуальности переходят из потенциального состояния в актуальное, приобретая тем самым как для самого индивида, так и для других, статус реальности, неопровержимой достоверности. Исключительное значение при этом имеют поступки индивида как следствие сделанного им выбора: "Выбор сам по себе, - писал С Кьеркегор, - имеет решающее значение для внутреннего содержания личности: делая выбор, она вся наполняется выбранным..." Если же "пропущен момент для него, иначе говоря, за человека выбрала сама жизнь, - он потерял самого себя, свое "я" [6, 230 - 231].

Итак, самоидентификация не является замкнутым в себе, самодостаточным процессом. Она есть органическая часть более широкого, глобального для бытия индивида процесса становления, развития и самореализации его как личности и индивидуальности. Так как процесс изменения и самореализации длится на протяжении всей жизни индивида, то и самоидентификацию его не следует понимать как конечный процесс, достижение некоторой временной точки, в которой индивиду в исчерпывающей полноте открывается его "я". Напротив, временные границы самоидентификации совпадают с пространством жизни индивида, и в этом смысле она носит незавершенный, открытый характер

Открытость самоидентификации имеет и другой аспект; как процесс, она открыта для воздействий, влияний со стороны других. Поэтому свое "я", индивидуальность, которые индивид стремится постигнуть, не только проявляются изменяются, но и

созидаются в процессе взаимодействия с другими, являясь в значительной степени их совместным продуктом. В этом смысле, как замечает Ю.Хабермас, “никакой человек не может распорядиться своей идентичностью так, как если бы она была его собственностью” [11, 38].

Обратной стороной открытости процесса самоидентификации является опасность растворения, потери индивидом своей автономности и самобытности в процессе межличностного взаимодействия. В связи с этим перед индивидом стоит задача не только постижения и развития своего “я”, но и в не меньшей степени его сохранения. Самореализуясь, индивидуальность в силу своей самобытности, неповторимости, объективно стремится – даже вопреки сознательному намерению индивида – к ограничению или отрицанию самобытности других индивидов, так как иным способом она не может самоутвердиться. По этой причине межличностные отношения – это не идиллическая гармония, а соперничество и противоборство, принимающее различные формы, начиная от крайне резких, враждебных и кончая более мягкими, компромиссными. Одни индивидуальности при этом ослабляются, нивелируются, другие, напротив, сохраняют и развивают себя. Безусловно, отношения между ними осуществляются не в чистом виде, не беспредметно, а через желания и вкусы, потребности и интересы, характеры и жизненные ценности, которые направляются индивидами на достижение своих жизненных целей.

В структурном отношении самоидентификация предстает как поиск, сохранение и утверждение своей самости на трех уровнях естественном (органическая самоидентичность), психологическом (психологическая самоидентичность), и духовном (духовная самоидентичность). Естественно, что полнота самоидентификации предполагает достижение индивидом самоидентичности на всех уровнях. Однако очевидно и то, что осуществить это без определенных трудностей, противоречий и несоразмерностей весьма непросто. Поскольку ведущим в структуре самоидентификации является духовный уровень, что обусловлено спецификой природы человеку, то в данном контексте следует

рассматривать и вопрос о месте и роли духовности в этом процессе. В этой связи нам представляется наиболее адекватным понимание духовности как формы, способа самоидентификации личности: “Она (духовность – авторы) выступает как способ самостроительства личности..., она связана с выбором своего собственного образа, своей судьбы и роли, одним словом, со встречей с самим собой” [5, 21]. Каким же образом духовность может выполнять эту роль?

Пытаясь ответить на поставленный вопрос, мы будем исходить из понимания духовности как направленности сознания и действий индивида на нематериальные ценности человеческого бытия как высшие и безусловные ценности. Такое понимание духовности, на первый взгляд, несовместимо с тезисом о духовности как форме самоидентификации личности. Если самоидентификация предполагает погружение индивида в глубины своей самости с целью постижения ее истинной природы, то духовность – ориентацию на общезначимые, общечеловеческие ценности бытия. Здесь действительно налицо противоречие, но отнюдь не антиномия: ориентация индивида на высшие духовные ценности предполагает в качестве необходимого условия преломление их сквозь призму его индивидуальности, то есть индивидуализацию. Только таким образом они могут стать ценностями бытия индивида, основанием его духовности.

Когда же понятие добра, истины, красоты лишь наличествуют в сознании индивида, не затрагивая его “я” и не функционируя в качестве его жизненных ориентиров, - в таком случае они не являются его ценностями и следовательно, не входят в содержание его духовности. Весьма уместно здесь замечание М.Мамардашвили о том, что со словами “высокая духовность” нужно очень деликатно обращаться... Оперирование высокими понятиями – самое большое искушение для человека, которому оно охотно поддается, думая, что уже сам факт обращения к ним возвышает его” [7, 144].

Обобщая сказанное правомерно сделать следующий вывод: духовность индивида включает лишь то содержание его сознания, которое функционирует не только на когнитивном, но и на

экзистенциальном уровнях.

Понимание самоидентификации не только как поиска своего “я”, но и одновременно как процесса становления и развития личности и индивидуальности, обуславливает тот факт, что духовность выполняет в этом процессе одновременно роль и материала, и формы, способа осуществления. Первый аспект выражается в том, что духовные ценности (нравственные, эстетические, познавательные и др.) наряду со способностями, интересами, жизненными ориентациями составляют ядро содержания личности, которое и является предметом оценки в процессе самоидентификации. Второй аспект заключается в том, что духовность придает процессу самоидентификации целостность и определенную направленность. Ведущую роль среди духовных ценностей при этом играют мировоззренческие ценности, сквозь призму которых индивид воспринимает мир, в котором существует, и свою соотнесенность с ним.

В этом смысле трудно не согласиться с мыслью Э.Кассирера о том, что “он (человек – авторы) настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы и религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере” [4, 29]. “Глазами” этого “искусственного посредника”, в содержании которого мировоззрению принадлежит важнейшее место, индивид воспринимает и самого себя. Отсюда та значимость, которую имеет в процессе самоидентификации характер мировоззрения индивида: степень его адекватности бытию, гуманистичности, целостности и зрелости и др.

Не менее важная роль в процессе самоидентификации личности принадлежит такому компоненту духовности как нравственные ценности, которые частично входят в мировоззрение, но не поглощаются им. Нравственность выступает в качестве основания духовности, так как духовные ценности имманентно содержат в себе гуманистическую интенцию. На этом вполне обосновано делает акцент С.Б.Крымский: “Духовность – это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную

личности на этической основе ... Духовность в конечном, счете, приводит к смысловой космогонии, соединению образа мира с нравственным законом личности" [5, 23].

Если нравственная природа духовности не вызывает сомнения, то наличие связи между нравственностью и процессом самоидентификации требует обоснования и конкретизации, что, на наш взгляд, можно выразить следующими положениями:

1. Поскольку нравственные ценности входят в ядро личностных качеств индивида, то процесс самоидентификации выступает прежде всего как поиск им своего нравственного "я".

2. Присущие индивиду нравственные ориентации придают определенную форму, характер и направленность процессу его самоидентификации. Так, если безнравственная личность, как правило, мало озабочена проблемой поиска своего "я", то для нравственной личности эта проблема является предметом постоянной саморефлексии. Аналогичные различия можно обнаружить в том, как осуществляется процесс самоидентификации, например, у индивидов эгоцентрической и коллективистской ориентации.

Если первые замыкают этот процесс на себя, максимально ограничивают от влияния других и ищут критерии его развития и самооценки в нем самом, то для вторых самоидентификация выступает как открытый со стороны своего содержания, ориентиров и критериев процесс. Обращая внимание на это различие, Гете писал: "даже самый выдающийся человек живет изо дня в день и пользуется лишь скудным пропитанием, если слишком замыкается в себе самом и пренебрегает участием во внешнем мире, где он единственно может найти пищу для своего роста, а вместе с тем и мерило его. ... Я жал посеянное другими, и дело мое есть дело коллективного существа, именуемого Гете" [3, 420, 429].

3. Самоидентификация личности имеет этический характер также и со стороны механизма своего осуществления. Речь о том, что поскольку этот процесс выходит за границы субъективности в мир взаимоотношений индивида с другими, то он неизбежно приобретает нравственную окраску. Очень содержательно и ярко

эту модель поведения индивида выражает Ю.Хабермас: "... В самоидентичности само сознание ясно выражает себя не как самоотнесенность познающего субъекта, но как этическое самоутверждение личности... Поскольку другие вменяют ответственность мне, я постепенно делаю себя той личностью, какой я становлюсь через взаимодействие с другими". Вследствие этого "самость в этическом самопонимании должна полагаться на признание со стороны адресатов. . Я не могу просто для себя самого утверждать то "я", которое в моем сознании предстает как данное мне, - оно не принадлежит мне" [11, 38 – 39].

Одна из серьезных трудностей, которые приходится преодолевать индивиду в процессе самоидентификации, длящейся на протяжении всей его жизни, - это, как уже упоминалось, фиксация и сохранение своего "я" ("И надó ни единой долькой не отступаться от лица" (Б.Пастернак)). Эта трудность обусловлена не только неизбежной эволюцией самого индивида и влияния других, но в неменьшей степени изменчивостью бытия. Тем более, что, как заметил Г.Гадамер, "наше внимание приковано к тому, что измеряется в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним. Таков всеобщий закон нашей духовной жизни"[1, 41].

Именно духовность позволяет индивиду, эволюционируя противостоять изменчивости мира в сохранении своей идентичности. Это осуществляется посредством ориентации индивида на вечные общечеловеческие ценности духа, которые оберегают при всех своих конкретно - исторических и социальных модификациях свою сущность, свой инвариант. Духовно богатой, развитой, по выражению Х.Ортеги-и-Гассета, "сильной индивидуальности" не угрожает фатальная опасность раствориться в текучести бытия и многообразия влияний со стороны других, и поэтому ей "недосуг размениваться на пустые страхи - она не боится потерять себя, поддавшись влиянию. У сильной индивидуальности завидный аппетит - она повсюду отыщет себе пропитание и все пойдет ей в прок" [8]. Однако сколь не просто даже для сильной индивидуальности выдержать давление жизненных обстоятельств, "не отступаясь от лица",

подтвердит сам Ортега-и-Гассет, который на закате своего жизненного пути воскликнет: “Быть самим собою, героизм!”.

Если духовность является необходимым условием и формой самоидентификации развитой личности и индивидуальности, то бездуховность и псевдодуховность выступают в качестве основания разного рода деформаций и искажения форм проявления этого процесса, с наибольшей полнотой и очевидностью эта зависимость выявилась в культуре XX века, прежде всего западной, в принявшей массовый характер процессе деиндивидуализации (деперсонализации), который стал предметом духовного осмысления в экзистенциализме, неофрейдизме, философии Франкфуртской школы. Не касаясь глубинных социальных причин этого процесса (многие из них были выявлены Марксом) отметим, что среди наиболее важных непосредственных факторов его являются прагматичность и конформизм.

Эгоцентричный по своей сути, ориентированный на достижение пользы как высшей цели, прагматизм, на первый взгляд, должен вопреки сказанному выше способствовать идентификации и сохранению своего “я”. Однако в действительности это не так, поскольку именно неуклонное следование собственной пользе как высшей жизненной ценности вынуждает индивида постоянно приспособляться, лавировать в разнообразных, изменчивых жизненных реалиях. Высшие и неизменные духовные ценности, кроме самого идеала прагматичности, при этом оказываются не только излишними, “непрактичными”, но и препятствием на пути к достижению пользы.

Как пишет современный американский философ, автор герменевтического варианта прагматизма, Р.Рорти, “они (прагматисты – авторы) признают, однако сомневаются, что можно высказаться, о чем - то общем и необходимом, делающем все эти действия хорошими” [9, 89]. Поэтому, размышляя о культуре будущего (“постфилософской культуре”) Р.Рорти приходит к выводу, что побуждение изобретать вечные истины (“окончательный словарь”) в этой культуре “будет успешно

подавлено". В будущей культуре критерии установятся такими, какими их видит прагматист: временно неподвижные пункты, принятые в особых утилитарных целях" [9, 107-108],

Возникает в связи с этим вопрос: в состоянии ли лишенная духовных ориентиров – ценностей личность сохранить себя как индивидуальность? Думается, что ответ на этот вопрос может быть только отрицательным: самоидентификация как духовная проблема для личности прагматической ориентации, фактически лишается смысла, становится неосуществимой, ограничивается биологическими и психологическими аспектами.

Связь процесса деиндивидуализации с конформизмом, который уже в 20-30-е годы нашего столетия вызвал серьезную тревогу у многих выдающихся философов, как, набирающая силу опасная тенденция развития западной культуры, - в настоящее время носит явно выраженный характер. Подверженный конформизму индивид, как отмечает Э.Фромм, «перестает быть собой, он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему шаблоном и становится точно таким же, как все остальные, и таким, они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным "я" и окружающим миром [10, 159].

Следствием конформистской установки является неподлинность чувств и эмоций, желаний и мыслей индивида, то есть потеря им своего "я", змеждение его подлинным "псевдо я". Однако на уровне сознания индивид, как правило, не замечает этой подмены, воспринимает свою субъективность как подлинную и лишь на уровне подсознания и в экзистенциальных ситуациях он ощущает свою неидентичность, связанное с этим чувство тревоги и потребности в самоидентификации. Но духовная неразвитость индивида-конформиста придает процессу самоидентификации внешние формы: он "судорожно цепляется за все индивидуальное, он хочет быть "не таким как все"... Нам сообщают имя железнодорожного кассира, у которого мы покупаем билеты; сумки, игральные карты и портативные приемники "персонализированы" инициалами их владельцев. Все это свидетельствует о жажде особенного, но это, пожалуй, последние остатки индивидуальности"[10, 213].

Таким образом, стремление к самоидентификации у личности конформистского типа приобретает форму имитации поиска своей самоидентичности и ее проявлений, в результате чего, по выражению М. Мамардашвили, индивид превращается в "самоимитирующегося человека" [7, 146 – 147]. Не этим ли объясняется подмеченное многими философами возрастание значимости в жизни современного человека игры с присущим ей "спортивно-праздничным чувством жизни" (Х. Ортега-и-Гассет) и подменой подлинной самореализации и самоидентификации их имитацией?

Коллизии и противоречия в той плоскости индивидуального бытия человека, которую обозначают понятиями самоосуществления и самоидентификации, свидетельствуют, на наш взгляд, о существовании не всегда явно выраженной, но устойчивой и вполне определенной зависимости между названными процессами, с одной стороны, и степенью развития духовности индивида, - с другой. Характер этой зависимости можно выразить следующим образом: адекватное осуществление процесса самоидентификации в качестве необходимого условия предполагает высокий уровень духовности индивида, бездуховность и псевдодуховность, напротив, обуславливают внешние, искаженные формы самоидентификации, извращая не только ее сущность, но и природу личности в целом.

Литература

- 1 Гадамер Г. Истина и метод: основы философии герменевтики. – М., 1988.
- 2 Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа: Соч. – М., 1959. – Т.4.
- 3 Гете И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда. Собр. соч. – М., 1935. – Т.9.
- 4 Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
- 5 Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. – 1992. – №12.
- 6 Кьеркегор С. Наслаждение и долг. – Спб., 1894.
- 7 Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1990.
- 8 Ортега - и - Гассет Х. Асорин, или обаяние обыденности // Независимая газета, 1992г. – 3 июня.
- 9 Рорти Р. Прагматизм и философия // Философская и социологическая

мысль. – 1995. – №9.

10. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.

11. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. – 1989 – №2.